

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАНОРАМА

Родившийся и выросший в Сибири, свою литературную биографию начавший на Урале, последние годы Виктор Астафьев живет и работает в старинном российском городе Вологде. Здесь им были написаны многие значительные произведения, в том числе и повествование в рассказах «Царь-рыба», выдвинутое на соискание Государственной премии СССР.

В вологодской квартире писателя идет наша беседа... Среди многих читательских писем, полученных Астафьевым после публикации первых глав «Последнего поклона», есть одно, которое прислала писателю много лет назад женщина из села Парабель, что в Томской области. Шла она как-то с работы, увидела в киоске «Роман-газету» с «Последним поклоном». Остановилась, купила. Нет, не для себя — для детей, которых четверо, и растут они без отца. Сама не сильно обученная грамоте, хотела та женщина видеть своих детей образованными. Принесла книжку домой, стала читать вслух... С тех пор в этом доме, где раньше книг почти не покупали, книга стала необходимой и желанной.

...Читала женщина, небыстро собирая слова в фразы, и открывался перед нею и ее детьми увиденный глазами рано осиротевшего мальчишки из села над Енисеем огромный и необъятный мир добра и света...

Истинное и высшее писательское назначение, по словам Астафьева, в том, чтобы «понимать добро и утверждать его».

Добро, как торжественная песнь, постоянно звучит во всех произведениях писателя, даже тогда, когда встречаются его герои с бедой, злом или несправедливостью. Но, наконец, сильнее всего мотив любви и человеку обозначен в «Последнем поклоне», наиболее автобиографичной книге.

«Последний поклон» писался долго: почти двадцать лет. Двадцать лет работы — двадцать лет жизни. И вот недавно произведение завершено: журнал «Наш современник» напечатал заключительные главы. И потому беседа началась с рассказа Виктора Петровича о том, как рождалась эта книга:

— В 50-е годы, когда в Сибири разрывались строительством Братской и Красноярской ГЭС и сюда хлынули тысячи людей, в нашей литературе появилось немало произведений, повествующих в стихах и прозе о покорении и освоении этого края. Тогда-то меня насторожило и больно задело одно обстоятельство. По некоторым книгам получалось так, будто бы здесь до этой поры никого и ничего не было. И захотелось мне сказать свое слово о Сибири...

В то время и были сделаны первые зарисовки. Я начал писать, не думая еще, что из этого получится книга. Сначала появились небольшие полурассказы: «Запах сена», «Гуси в польные», «Зорькина песня». Потом был написан «Конь с розовой гривой», определивший уже какое-то направление. Вскоре после «Коня...» — «Далекая и близкая сказка», затем «Монах в новых штанах». Когда набралось рассказов пять или шесть, я вдруг почувствовал, что из всего этого можно собрать книгу. Очень быстро закончил еще четыре главы. Но у меня к этим главам было такое разное отношение, что даже не знал, которая из них лучше, которая хуже. Например, «Осенние грусти и радости», где рассказывается, как рубят капусту, считал лучшей, но она казалась мне настолько локальной и частной, что я не решился ее нигде печатать. Кому интересно, как капусту рубят? Главка так и лежала в столе. Когда же начал «строить» книжку, вдруг понял, что эта глава, одна из самых мажорных по своему звучанию, является важным связующим звеном...

А потом написал «Где-то гремит война» — по существу, повесть в повести...

В 1960-е годы в Перми были изданы первые главы «Последнего поклона». Потом они вышли в «Роман-газете». Ни одна книга не принесла мне такой почты, как эта...

Давно мне хотелось написать и о мальчике, четырехлетнем сыне тетки Апрони, потерявшемся в голодный 33-й год. До сих пор рассказываются об этом всякие истории, но меня интересовал сам ребенок, куда-то ушедший, так и не найденный по сей день. Он словно болезнь, вина всей нашей родни, для матери же — постоянная и невосполнимая утрата. И я написал главу о нем — «Мальчик в белой рубашке», тоже сначала не думая, что она войдет в «Последний поклон».

Эта глава потребовала продолжения, даже не продолжения, а зародилось какое-то беспокойство, а раз беспокойство — начинаешь думать, а раз думать — что-то выдумываешь... Пошли игарские главы...

Виктор Петрович. — Мое родное село...

Память о деревенском детстве, его играх и заботах, жизнь и поступки взрослых, пропущенные через острое восприятие ребенка, своеобразный уклад сибирского села — все это послужило отправной точкой для рождения большинства повестей и рассказов Астафьева.

Здесь, в Овсянке, на деревенском кладбище дорогие писателю могилы — матери, деда, тетки Марии, дяди Дмитрия и бабушки Катерины Петровны, натуры самообытной, сильной, щедрой сердцем и добрыми делами. Ее образ в «Последнем поклоне» продолжает лучшие традиции литературы в изображении русских женщин — не только дарующих нам жизнь, но и умеющих при всех обстоятельствах оберечь ее, обобщить необходимую крепость и силу...

— Какой бабушка была в жизни, такой ее и написал. Может быть, что-то убавил, но ничего не прибавлял. Она была очень колоритной фигурой, недаром ее у нас на селе звали «генералом». Я ее считал главным, что ли, своим воспитателем. Другой — Василий Иванович Соколов, директор

Виктор АСТАФЬЕВ: В ГОСТЯХ У ПИСАТЕЛЯ

ПОКЛОНИСЬ РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Так, исподволь, рождалась эта книга. Весь «Поклон» писался вдруг, «без спросу» врываясь в жизнь, заставляя вслушиваться в голос памяти. Эта книга есть моя самая большая и неизбывная любовь.

Сейчас «Последний поклон» издается в «Современнике». Виктор Петрович показывает верстку. Она еще прочитана не вся, на просмотренных страницах — правка.

— Я всегда очень боюсь версток. Еще в гранках, в рукописи могу много править, а в верстке — почти нет. Хотя то к одному, то к другому тянется рука... Вполне возможно, что пройдет время (тем более люблю ворошить уже опубликованные вещи, для меня это никогда не зазорно), и я вернусь к «Последнему поклону». По существу, только «Кража» осталась непереписанной, «Пастуха и пастушку», уже печатанную, переделывал раза четыре...

— Что заставляет вас вновь и вновь возвращаться к произведениям уже законченным и даже опубликованным?

— Даже не знаю, как объяснить это. Вот кажется: тут что-то неладно, недопрописано, а тут какая-то путаница, пустоты... А может быть, за это время происходит заполнение тебя самого, чему-то ведь учишься и как писатель: года-то идут.

Очень быстро пишу только черновики. Мне доставляет ни с чем не сравнимую радость заменять слово и в первой, и во второй, и в третьей редакциях...

В кабинете писателя висит картина: под снежно-синим покровом скалистый утес, под ним уютная лед рена, а на другом ее берегу, чуть являясь, — утонувшие в сугробах избы...

— Это Овсянка, — говорит

того детского дома в Игарке, где я некоторое время жил. Под именем Валерияна Ивановича Репнина он выведен в повести «Кража». А в литературе это Александр Николаевич Макаров. Постоянно и с благодарностью вспоминаю его товарищеское, дружеское участие в моей писательской судьбе. Дружба с Александром Николаевичем очень многое мне дала. Хочу написать о нем. Что? Пока не знаю, у меня много его писем, может быть, они подскажут какой-нибудь ход...

— Если бы вы не стали писателем, то кем хотели быть?

— Крестьянином Пахал бы, сеял... Крестьянская жизнь постоянно дает чувство совершенно особой радости, ни с чем не сравнимого удовлетворения...

Растет в российских лесах с виду неприметная, со слюдянистыми лепестками трава. Зовут ее в народе любютой. Издавна считалась она верным приворотным зельем. Хочешь завлечь ларня или девану либо разлучить ногу, давай пить избраннику или избраннице настой корня этой травы да приговаривай:

«Пленитесь его (иль ее) мысли день и ночь, и в глухую полночь, и в накен час, и в минуту нажну обо мне вечно. И казалась бы я ему (или ей) милее отца-матери, милее всего роду-племени, милее красна солнца...»

«Да я бы ходил и собирал по всем лесам и болотам любую, дни и ночи настаивал бы ее корешки, и не рюмкой, а черпаком из ведра поил бы людей, только чтоб они преисполнились уважением друг к другу...»

Эти пронзительные слова из «Последнего поклона» скорее всего подсказала война, на которой Астафьеву приш-

лось сражаться с самим страшным злом человечества — фашизмом, где довелось испытать и священную ненависть, и священную любовь. Прошло уж более тридцати лет, а раны, принесенные с войны, не заживают, все больше болит память о тех, кто не вернулся...

Четверо солдат, четверо рядовых остались сегодня в живых из взвода, в котором служил писатель. Перед Днем Победы поехал Астафьев на встречу с фронтовыми друзьями.

— Да, вот я и побывал нынче у ребят. Эту поездку я задумал давно. Долго собирался, наконец, съездил. В Орске погостил у друга, которого я вынес раненого с поля боя, а в Темиртау живет однополчанин, вынесший раненого меня...

Впервые после войны мы увиделись все вместе.

Наверное, я все-таки буду писать книгу о войне. У меня есть даже предварительное ее то ли название, то ли тема: «Рассказы на госпитальной койке». Хочется создать книгу пеструю, как бы услышанную. Вот что я, допустим, слышал в госпитале. Последний раз пролежал я там десять месяцев. Больше всего в госпиталях рассказывали о быте войны. Сохраняя какую-то достоверность и даже иногда интонацию рассказчика (что будет очень трудно), собираю написать какую-то бытовую картину войны с разных точек зрения, увиденную разными людьми.

Подумайте, однополчане мои прошли такую войну, нелегко было и потом, а ни одного лятнышка! Ведь, что греха таить, жизнь всегда предоставляет возможность и изогнуться, и искланиваться...

НАША беседа подошла к концу. Не все, о чем рассказывал Астафьев, уместилось на бумаге. Разговор шел долгий и о разном. О жизни и литературе, о прошлом и будущем, о ближайших заботах и дальних планах... И эта беседа еще раз подтвердила давно сложившееся представление о писателе: честном, большом труженике нелегкой и счастливой судьбы, человеке открытого сердца и отзывчивой на людские невзгоды и радости души...

А потом был чай. Хозяйничал сам Виктор Петрович. Жена уехала в туристическую поездку за границу, дочь ушла в город по делам. Дома осталась только двухлетняя внучка, названный в честь деда. Рассказывал Виктор Петрович, как недавно тяжело заболел Витя (еле спасли), а маленький человек, уютно и ласково устроившись на руках деда, аппетитно ел суп-харь... И вспоминались слова Астафьева из «Последнего поклона»: «Род наш продолжался на земле... Если заносило семя на камень либо на асфальт, оно расклевывало твердь, доставало корешком землю, укрепило в ней и проросло из нее...»

Р. БАРУЗДИНА,
спец. корр. «ЛГ»
ВОЛОГДА — МОСКВА